

ПОЛИТИКА РФ И КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?

*Белоглазов А.В.
Кафедра международных отношений.
Институт международных отношений.
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Российско-китайские отношения в настоящее время переживают настоящий взлет и представляют собой полноценное стратегическое партнёрство, неуклонно развивающееся.

В политическом плане наши страны поддерживают идею многополярного мира, неприятие доминирования одной страны на международной арене, приверженность международному праву и урегулирование конфликтов дипломатическим путем. В Совете Безопасности ООН они традиционно координируют свои позиции, выступая единым фронтом по всем важным вопросам современности, в частности по сирийскому и иранскому.

В экономическом плане Китай является ведущим торговым партнером России. Товарооборот между двумя странами превысил в 2012 году 83,5 миллиарда долларов, и продолжает увеличиваться. Россия и Китай осуществляют ряд крупных совместных экономических проектов, включая строительство и эксплуатацию в Китае Тяньваньской АЭС.

Весьма плодотворно развивается и культурно-гуманитарное сотрудничество, наглядными примерами которого являются перекрестные годы России в Китае и Китая в России, годы русского языка в Китае и китайского языка в России, а также деятельность в России Институтов Конфуция.

Однако, несмотря на укрепляющееся партнерство, политика Китая в сопредельных регионах, прежде всего в Центральной Азии, воспринимается

рядом аналитиков, особенно из стран региона, как конкурентная для России [1]. Поэтому зададимся вопросом, чего больше в региональной политике России и Китая в Центральной Азии – сотрудничества или соперничества?

В XXI веке этот регион привлекает к себе все более пристальное внимание России. Для нее Центральная Азия является не только значительным фрагментом постсоветского пространства, связанным с ней экономическими, политическими и культурно-гуманитарными отношениями. На сегодняшний день это еще и важнейший регион с точки зрения обеспечения безопасности нашей страны. Отсюда исходят как традиционные угрозы и вызовы, связанные с геополитическими и военными факторами, так и новые - экстремизм, наркотрафик, нелегальная миграция, экологические проблемы. Поэтому не случайно, что в политической сфере политика России направлена на обеспечение региональной безопасности.

Для Китая этот регион также важен с точки зрения обеспечения безопасности. Во-первых, регион, расположенный по соседству с СУАР был и остается традиционной базой уйгурских сепаратистов. Контролируя ЦАР, уничтожая экстремизм и сепаратизм по ту сторону границы, КНР обеспечивает безопасность своих северо-западных регионов и территориальную целостность страны.

Во-вторых, в условиях, когда США переориентируют свою военную мощь на АТР, о чем свидетельствует принятая в феврале 2011 года Национальная военная стратегия США [2], Центральная Азия все более рассматривается китайскими политиками как глубокий тыл КНР, который должен быть абсолютно надежен.

В течение последнего времени наблюдаются обострения ряда конфликтов в Восточной Азии с участием Китая или в непосредственной близости от него. Это конфликты вокруг спорных с Японией островов Сэнкаку, вокруг спорных с Вьетнамом Парасельских островов, спор с Филиппинами, Вьетнамом, Тайванем, Брунеем и Малайзией вокруг островов архипелага Спратли, а также Тайваньская проблема и конфликт на Корейском

полуострове. Почти во всех случаях Соединенные Штаты выступают как катализатор конфликтов, несомненно, пытаясь ограничить растущую мощь Китая региональными проблемами, а также обеспечить себе военное присутствие в этом регионе, сохранив и усилив базы в Японии, Южной Корее, на Филиппинах.

Все это вызывает в КНР понимание необходимости сосредоточения внимания и вооруженных сил на восточных границах страны. А поскольку нахождение между двумя фронтами нестабильности для Китая абсолютно неприемлемо, на западных границах, в Центральной Азии он стремится создать зону безопасности.

Таким образом, интересы России и Китая в области обеспечения безопасности в Центральной Азии практически тождественны и заключаются в двух основных пунктах: во-первых, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, а во-вторых недопущение в регион военного присутствия внешних игроков, прежде всего США и НАТО.

Эти задачи легли в основу Шанхайской организации сотрудничества, являющейся наиболее наглядным примером плодотворного взаимодействия РФ и КНР в регионе. Первая задача была указана уже в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанной участниками учредительного саммита ШОС в 2001 году. Она впервые на международном уровне закрепляла определение сепаратизма и экстремизма как насильственных, преследуемых в уголовном порядке деяний [3]. Вторая задача нигде открыто не декларировалась, но подразумевалась как РФ, так и КНР. Большинство исследователей сходятся на мнении, что это и есть главная цель РФ и КНР, цементирующая ШОС [4].

В начальный период ШОС использовалась Россией для демонстрации своей геополитической оппозиционности талассократии и атлантизму, особенно после вторжения США в Ирак, а также после их закрепления в Центральной Азии и перехода к ее «демократизированию» посредством цветных революций. Для КНР же она стала механизмом законного

проникновения в регион и решения уйгурской проблемы.

Практическая деятельность ШОС первоначально лежала в сфере взаимных действий по пресечению террористических актов, а также сепаратизма и экстремизма в Центральной Азии. Россия много сделала для создания Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС), Соглашение о которой было подписано на саммите 7 июня 2002 года в Санкт-Петербурге. Основные задачи и функции Исполкома РАТС ШОС были определены по трём приоритетным направлениям: координация и взаимодействие в борьбе с терроризмом, проведении антитеррористических учений; участие в подготовке международных документов по вопросам борьбы с терроризмом; сбор и анализ информации по вопросам борьбы с терроризмом. [5]

В первое время структуру нередко критиковали за бездействие, однако вскоре ее деятельность стала очевидной. Так, за период между двумя саммитами ШОС 2005 и 2006 годов, в результате деятельности РАТС было предотвращено более 450 терактов, пятнадцать руководителей террористических организаций были арестованы или ликвидированы спецслужбами стран Организации.

С момента основания ШОС странами-участницами было проведено несколько совместных антитеррористических учений. Первое из них состоялось в августе 2003 года в Казахстане и в Китае. В августе 2005 года состоялись первые совместные учения вооружённых сил КНР и России, получившая название «Мирная миссия - 2005», и впоследствии ставшие регулярными.

В дальнейшем проводились учения «Востокантитеррор-2006» и «Мирная миссия-2007». В сентябре 2008 года прошли командно-штабные учения «Волгоград-Антитеррор-2008», а с 2009 вновь возобновились регулярные учения «Мирная миссия», проходившие, как правило, в приграничных с Китаем регионах. Так, «Мирная миссия-2010» проходила в Казахстане, «Мирная Миссия-2012» - в Таджикистане, а последние учения

ШОС «Стихия-2013» – в Киргизии.

Сегодня на повестке дня ШОС в контексте укрепления региональной безопасности и стабильности стоят вопросы по созданию механизмов ее оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации. Последний саммит ШОС, состоявшийся 13-14 сентября 2013 года в Бишкеке показал полное единодушие России и Китая по проблемам Сирии, Ирана и ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана в 2014 году. [6]

Для придания Организации большего международного веса, Китай совместно с Россией выступил за привлечение к деятельности ШОС новых стран. Так, в состав ШОС на правах наблюдателей вошли Монголия (2004 г.), Иран, Пакистан, Индия (2005 г.), а также Афганистан (2012 г.). Наряду с этим появилась такая форма сотрудничества в ШОС, как партнеры по диалогу – Белоруссия, Шри-Ланка и Турция. На вышеупомянутом саммите ШОС в Бишкеке было принято согласованное решение о расширении ШОС за счет перехода Индии и Пакистана из наблюдателей в ряды полноценных членов организации.

Китай также неоднократно предпринимал усилия для дополнения военно-политического сотрудничества в рамках ШОС серьезными шагами в области экономики. В частности, было предложено создать Зону свободной торговли ШОС, но эта идея была заблокирована Россией как несвоевременная.

Уже из этого мы видим, что в экономическом плане интересы России и Китая уже не так схожи. Китай заинтересован в регионе как в сырьевом придатке, рынке для сбыта своих товаров, а также как в площадке для прокладки транзитных маршрутов с целью поставок своих товаров в сопредельные регионы.

Два наиболее успешных китайских инвестиционных проекта, осуществлённых на сегодняшний день, связаны со строительством трубопроводов из Центральной Азии в Китай. Так, в 2006 году был введен в

строй нефтепровод Атасу-Алашанькоу протяженностью 965 километров из Казахстана в Китай. В 2009 году состоялось торжественное открытие газопровода «Туркменистан-Китай», протяженностью 7000 км, проходящий через Узбекистан. Его проектная мощность – 40 млрд. кубометров газа в год.

Оба этих проекта теоретически можно оценивать как конкурентные российским проектам. До их ввода почти вся нефть Казахстана транспортировалась по российской территории через нефтепроводы КТК и Атырау-Самара. То же можно сказать и по поводу туркменского газа, который за небольшим исключением (трубопровод в Иран с проектной мощностью 20 млрд. кубометров газа в год) шел по газопроводу Средняя Азия-Центр через территорию России. Диверсификация поставок позволила центральноазиатским странам вести более сложную «многовекторную» политику. В то же время поставки из Центральной Азии являются козырем для Китая во время переговоров по цене нефти и газа из России.

О том, что Китай планирует и далее расширять поставки углеводородов из Центральной Азии, свидетельствует строительство третьей нитки газопровода «Туркменистан-Китай» и Соглашение о строительстве его четвертой нитки. Оно было подписано 4 сентября 2013 года в Ашхабаде в результате переговоров председателя КНР Си Цзиньпина и президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова. Показательно, что переговоры состоялись в ходе первого большого турне Си Цзиньпина в качестве председателя КНР 3-13 сентября 2013 года, совершившего накануне саммита ШОС государственные визиты в Туркменистан, Казахстан, Узбекистан и Киргизию. [6]

При этом новую нитку планируется построить по маршруту Туркменистан-Узбекистан-Таджикистан-Киргизия-Китай, включив, таким образом, в маршрут транспортировок еще не охваченную трубопроводным сотрудничеством Киргизию. После запуска двух новых ниток в общей сложности, поставки туркменского газа в Китай составят 65 млрд. кубометров ежегодно.

Вторая важнейшая задача Китая – выстраивание сквозных маршрутов для транспортировки китайских товаров. Так, например, на сегодняшний день функционируют или планируются несколько транспортных коридоров через Казахстан: «северный коридор» Трансазиатской железнодорожной магистрали (Западная Европа – Западный Китай, через линию Достык – Петропавловск), «южный коридор» (через станции Достык и Сарыагаш), коридор «ТРАСЕКА» из Восточной Европы в Центральную Азию (Достык – Актау), коридор «Север – Юг» (из Сибири в Центральную Азию и далее в Иран). [7]

Наиболее работоспособным из них можно признать международный транзитный коридор «Западная Европа – Западный Китай» проходящий по территории Республики Казахстан. Его протяженность около 8,5 тысяч километров, из которых казахстанская часть - 2 787 километров.

Пекин заявил также о планах строительства железной дороги через территорию Киргизии, Узбекистана и Туркменистана, которая свяжет КНР с железнодорожными сетями Ирана и Турции и даст ей выход на рынки Западной Европы. Для реализации этого проекта Китай хотел бы использовать распространенный в Европе и на его территории стандарт железнодорожной колеи, который отличается от принятого на железных дорогах СНГ.

Кроме того, Китай осуществляет строительство современных автомагистралей, выходящих к западным границам Китая. Объявлено о строительстве в СУАР КНР 12 скоростных автомобильных дорог, которые свяжут Западный Китай со странами Центральной Азии.

Еще одно направление, на котором отмечается повышенная активность Китая - формирование в приграничных с ним регионах Центральной Азии зон свободной торговли. Не получив от России одобрения по созданию зоны свободной торговли на пространстве ШОС, Китай начал действовать иначе, предпочитая договариваться с государствами Центральной Азии в двустороннем порядке.

На сегодняшний день у Китая с Казахстаном действует Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос», принципиальная договоренность достигнута по созданию аналогичных зон или центров в районе КПП «Иркештам» и «Торугарт» в Киргизии, а также в районе КПП «Карасу-Кульма» в Таджикистане. Киргизия в последние годы превратилась в реэкспортную площадку для китайских товаров, а ее товарооборот с Китаем превысил товарооборот Казахстана с Китаем.

Можно ли считать, что эти три направления китайской экономической активности в регионе действуют во вред российским интересам? На наш взгляд, однозначно нет.

Поставки сырья из Центральной Азии в Китай не снижают уровня сотрудничества России со странами региона. Россия обеспечена собственным сырьем, а также имеет громадный экспортный потенциал. Она не нуждается в дополнительных поставках, и зачастую покупала углеводороды региона, например, туркменский газ, себе в убыток, чтобы помешать осуществлению ряд недружественных западных проектов, таких, как например, газопровод «Набукко». Теперь эти проекты блокируются совместными усилиями России и Китая

Кроме того, поставки из Центральной Азии не снижают интереса Китая к российским углеводородам. С 2011 года ведется поставка нефти в Китай по нефтепроводу Сковородино-Дацин. А во время встречи В.В. Путина и Си Цзиньпина на саммите G20 в Петербурге в сентябре 2013 года был подписан документ «Основные условия поставок природного газа из России в Китай по «восточному маршруту». [9]

Также не являются конкурентными российским китайские транзитные магистрали, поскольку, во-первых, они ориентированы с востока на запад, в то время как российские – с севера на юг, а во-вторых, их всегда можно использовать совместно, замыкая между собой, что принесет еще больший экономический эффект. В современной геополитике «транспортные кольца» уже давно считаются более эффективными, чем отдельные магистрали.

И, наконец, что касается поставок товаров в Центральную Азию из Китая, они будут упорядочиваться и контролироваться по мере роста Таможенного союза. Из числа центральноазиатских соседей Китая Казахстан в таможенном союзе с 2011 года, Киргизия войдет в конце 2013, а Таджикистан – в ближайшие годы после Киргизии. Так что бесконтрольного потока китайских товаров в регион в обозримом будущем не будет. Тем более что в основном китайские поставки в Центральную Азию составляют товары широкого потребления, а Россия поставляет в регион совсем другую товарную номенклатуру – металлы и металлоизделия, машины и оборудование, прежде всего для энергетических отраслей, лес и пиломатериалы и т.д.

Более того, для еще большего разведения интересов с Китаем, России необходимо сосредоточиться на развитии промышленного производства в Центральной Азии. Для этого много благоприятных факторов – дешевизна рабочей сил, меньшие затраты на капитальное строительство в связи с климатическими факторами, близость источников сырья и электроэнергии.

Таким образом, подводя итоги, мы видим, что в политической сфере вообще и в обеспечении безопасности в Центральной Азии в частности интересы Китая и России весьма сходны, и противоречий здесь нет.

В области экономики просматриваются зерна противоречий, но они всегда могут дать всходы сотрудничества при правильном подходе и решении всех проблем в духе взаимовыгодного добрососедства и партнерства. Иными словами, соперничество Китая и России в регионе – это конфликт с ненулевой суммой, и интересы сторон можно развести, так, чтобы все остались в выигрыше.

Литература

1. Парамонов, Строков. Россия и Китай: борьба за Центральную Азию [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://army-news.ru/2011/03/rossiya-i-kitaj-borba-za-centralnuyu-aziyu>, свободный. - Проверено 06.10.2013.

2. The National Military Strategy of the United States of America. 2011. Redefining Americas Military of Leadership. Washington, D.C., 2011. 24 p.
3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Шанхай. 15 июня 2001 г. // Иванов И.С. Россия в современном мире. Ответы на вызовы XXI века: Статьи и выступления.- М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. Приложения. С.557-562.
4. Кольтюков А.А. Влияние Шанхайской организация сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития : Материалы круглого стола. — М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. — С. 257-258.
5. Соглашение между государствами – членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ecrats.com/upload/iblock/512/2.pdf>, свободный. - Проверено 06.10.2013.
6. Латухина К. По-соседски. Дипломатические усилия Москвы одобрили все участники ШОС // Российская газета - Федеральный выпуск №6182 (206), 16.09.2013 г.
7. Историческое турне, нацеленное на дружбу и сотрудничество // Агентство Синьхуа. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://russian.news.cn/china/2013-09/14/c_132720637.htm, свободный. - Проверено 06.10.2013.
8. Волошин В. Инфраструктурный вектор // Журнал «Центр Азии» (Казахстан), № 11(11) 2009. <http://magazine.asiakz.com/rus/article/258>
9. Документы, подписанные по итогам встречи с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1522, свободный. - Проверено 06.10.2013.